

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ, СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ

НУЖНЫ НОВЫЕ ЛЮДИ, НУЖНА УПОРНАЯ РАБОТА

В. КАТАЕВ

Любопытно, что никто не возражает даже против того, что уровень критики нашей низок, что она не удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям, что она просто плоха. Это стало очевидностью, против которой невозможно спорить. Это ощущают читатели, ощущают сами критики. С наибольшей остротой ощущает это писатель. Меня, например, не возмущает то, что пишут обо мне. Страшно признаться, но это так. В такой мере все написанное не вытерпело, не может помочь мне как мастеру. В последние годы я просто перестал следить за рецензиями и может быть даже не читал многих.

Сколько раз приходилось уже говорить и писать о том, чего ждешь от критики. Приходится высказываться еще раз, ибо ожидания упорно не оправдываются. От критики ждешь большой обстоятельной работы о социалистическом реализме, — эта работа не появляется. Чрезвычайно мало и плохо пишут критики о мастере, о стиле. Позорно мало внимания уделяют они вопросам новой эстетики — вопросам первоочередным, важность которых сейчас нельзя переоценить. Было бы, в связи с накоплением новых материалов о эстетических взглядах Маркса критика должны вспомнить, наконец, о необходимости разработки и систематизации элементов новой эстетики. Но нет, даже столь значительный повод не привлекает их внимания к делу. Критики стали популяризаторами, но не творцами, критика в целом — обзор литературы, тогда как ей следовало бы литературу возглавлять.

К тому же наши критики — плохие литераторы. Они пишут как школьники, хотя бесспорно должны писать не хуже беллетристов. Они потеряли чувство языка. Небольшие припоминания кратчайшие газетные заметки Пушкина — образец лаконичности мысли и блеска стиля. Критика должна ставить большие вопросы, блестяще зная жизнь, наталкивая писателя на материал. А она занимается мелким рецензентством. Но такая — писателя она не интересует.

Я беру Толстого и читаю: «Автор обладал тем особенным, называемым талантом, даром, который состоит в способности усиденного, напряженного внимания, смотря по вкусам автора, направляемого на тот или другой предмет, вследствие которого человек, одаренный этой способностью, видит в тех предметах, на которые он направляет свое внимание, нечто новое, — такое, чего не видят другие. Но... он, к сожалению, был лишен главного из трех, кроме таланта, необходимых условий для искреннего художественного произведения. Из этих трех условий: 1) правильного, т. е. нравственного отношения автора к предмету; 2) ясности изложения или красоты формы, что одно и то же; 3) искренности, т. е. непритворного чувства любви или ненависти к тому, что изображает художник; из этих

трех условий Мопассан обладал только двумя последними и был совершенно лишен первого».

Прочту прошения у читателя за столь длинную питу, которая занята на «Предисловиях к сочинениям Гюи де Мопассана». Но вот она, широкая, большая критика! Эти строки написаны более 40 лет назад, но если подставить в формулу Толстого современные термины, то окажется, что она полностью живы и актуальны и в наше время. Они живы и актуальны тем, что Толстой здесь, как и в других своих статьях об искусстве, поднимает значение литературы на огромную высоту, на высоту, которая только нам доступна теперь. С тех пор, как я прочел его «Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана», для меня ничего не было сказано умнее о литературе. И я принужден пользоваться высказываниями Толстого, которые несомненно во многом устарели, как и высказывания других больших писателей прошлого. Но все же несколько строк из записной книжки Чехова дают мне больше, чем все написанное Мабилл-Вервым.

Не давая больших теоретических обобщений, критики наши недостаточно занимают и конкретным разработкой творческого пути тех или иных писателей, отдельных книг. Сравнительно с тем местом, которое занимает он в нашей литературе, ничтожно мало написано о Горьком. Мало и плохо написано о таком замечательном писателе, как Алексей Толстой. Между тем на его примере следовало бы показать начинающим писателям, как надо работать. Это не сделано. Более того, критика не выполняет даже своей информационной функции. От товарищей я слышал о существовании в Ленинграде такого интересного писателя, как Борис Житков.

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Рис. Егана

Ничтожно меньшинство критиков владеет иностранными языками. Знакомство с произведениями иностранной литературы только по переводам недостаточно для серьезного изучения зарубежной литературы. Бюро секции критиков ССП предложило членам секции заняться изучением иностранных языков.

КРИТИКА УЧИТ РАБОТАТЬ

Беседа с начальником научно-технического отдела Наркомтяжпрома тов. Я. В. Яхным

— Вы меня хотите проинтервьюировать по вопросам художественной критики? Предупреждаю, что специально в художественной литературе не занимаюсь. По образованию я математик, работаю, как видите, начальником научно-технического отдела Наркомтяжпрома и, следовательно, близкого, непосредственного отношения ни к художественной прозе, ни к стихам, ни к литературной критике не имею. Но читать я люблю и слежу внимательно за литературной жизнью, насколько, конечно, это позволяет наш до чрезвычайности уплотненный день.

Что я, как читатель, жду от современной критики и какой я хотел бы ее видеть?

Самыми замечательными первоочередными критическими работами из прочитанных мной за последние время я считаю работы Бухарина, посвященные Гейне и Гете, и статьи Радека о «Дне втором» Эренбурга, о «Земле» Пар Бак и «Тропе самураев» Л. Рубинштейна. Лично мне нравится в них то, что и Карл Радек и Н. Бухарин связывают разбор художественных достоинств произведений с анализом той социальной действительности, в рамках которой создавались они, с глубокой политической остротой публицистичности. И тот и другой берут литературный факт гораздо шире, чем многие из наших литературных критиков, рассматривают его прежде всего не только как явление общественное, и дают оценку ему не только в узко литературном плане. И мне кажется, что лишь так и нужно писать критические статьи, ибо лишь в этом случае критическая статья будет восприниматься и писателя и читателя. Ведь на критических обзорах учиться работать, жить, они учат или, по крайней мере, должны учить читателя, как относиться к действительности. Таковы были статьи Белянского.

Статья Радека «Про Китай, Японию и социалистический реализм» замечательна в этом отношении. Она много дает и автору и читателю. Лично мне она помогла осознать целый ряд интересных вещей. Вы помните место, где Радек, отдавая должное таланту Рубинштейна, объясняет свою неуловительность романом. В чем здесь

дело? — спрашивает критик себя. Почему, несмотря на талантливость писателя, несмотря на правильность идеологической позиции автора, закрываешь книгу с осадком неудовлетворенности? Да потому, разъясняет далее критик, что Рубинштейн знает Японию по газетам, книжкам, из литературных источников посперху и материал для романа. Нет поэтому у его произведения конкретной действительности и вместо подлинных образов в романе много голых схем.

Слова Радека о том, что никакая самая великолепная схема не заменит хорошего знакомства с действительностью, относятся не только к произведениям художественной литературы. Этот вывод заставил, повторю, меня задуматься над некоторыми весьма важными сторонами своей работы.

Конечно, я не хочу сказать, что критика не должна разбираться в художественных сторонах произведений или что публицистика в критической статье — это первое, анализ же художественных приемов — второе, менее важное. Оценка художественных достоинств произведений должна быть основой, неотъемлемой частью каждой критической статьи. Это — истина, против которой спорить нельзя. Но нужно, чтобы критик оценивал те или иные приемы художника не изолированно от социальных явлений, а исходя из них. Этого принципа плохо придерживаются еще наши критики. Во многих критических статьях оценка вещи производится в пределах жанра произведения. Часто вместо того, чтобы дать объективный разбор литературного факта, критик скатывается к вкусовым оценкам: это мне нравится, это — не нравится. А почему ему нравится, читателю предостается разбираться самому, ибо хотя сколько-нибудь серьезных аргументов в защиту своих положений автор обычно не приводит.

Необходимо «объявить беспомощную» борьбу этим субъективистским оценкам. Они дезорганизуют читателя.

Критика должна, как наука, оперировать точными, объективными критериями, и требования к критике, на мой взгляд, должны быть еще более жесткие, чем требования, предъявляемые к писателям.

ПОДГОТОВКА К ПЛЕНУМУ ССП

БЕЛОРУССИЯ

МИНСК (наш корр.). Началась подготовка к очередному февральскому пленуму Союза писателей БССР, посвященному вопросам критики. На ближайшем собрании коллектива критиков Белоруссии будут обсуждаться «Литературные чтения» Белянского. Следующий — майский — пленум решено посвятить вопросу освоения литературного наследия белорусских писателей (Дунин-Марцинкевича, Богумевича, Богдановича).

ГРУЗИЯ

ТИФЛИС (наш корр.). Союз советских писателей Грузии созывает специальный пленум, посвященный работе Секции критиков республиканского совещания, на котором будет стоять вопрос с грузинской литературной критикой. Решено созвать в рабочих клубах читательские конференции по вопросам критики.

БАШКИРИЯ

УФА (наш корр.). Проведено расширенное совещание писателей, критиков, преподавателей литературы в вузах и руководителей литературных кружков. На собрании с большим докладом выступил Афанас Тагиров.

Вопросам конкретной критики в Башкирии уделяется мало внимания. На большинство произведений башкирских писателей не печатаются отзывы. Критические статьи и заметки, нередко появляющиеся в журнале «Октябрь» — органы правления Союза писателей Башкирии (а входит он очень регулярно), грешат отсутствием конкретности цитатности, необоснованностью. Теоретический уровень башкирских критиков чрезвычайно низок, а учеба их до сих пор не организована.

ПОЭТ ПРИПАДАЕТ К КОПЫТАМ

Итальянский фашизм любит набрасывать поперек своей черной рубашки тогу возродителя величия древней Римской империи цезарей. Это — декоративно — романтическая приправа к его виду на Абиссинию, Австрию, Дамасию и кое-какие куски Малой Азии.

Официальные фашистские псаломщики негодуют воспоминаниями и сопоставлениями, позамыслованными из истории римской античности. Разумеется, Рим эпохи Муссолини уже заткнул своим блеском столпу Августа, а сам возвысился черных рубашек оставил далеко позади великих полководцев и организаторов античной мировой империи. Правда, все это утверждается несколько декларативно, без приложения списка побед современного Цезаря. Сам он скромно приписывает себе... победу Италии в мировой войне. Злые языки прибавляют, что на худой конец можно отнести к числу побед и бомбардировку Борду в 1923 г.

Цезаристская фаворитка имеет свою логику. Император Каллигула произвел, как известно, любимого коня в сенаторы. А в фашистской Италии нашлось место, занявший стихотворное интервью у коня Муссолини. Поэта зовут А. Каликиопуло. Его шестистрочная поэма «Интервью с конем дуче» напечатана в римском журнале «Империо фашиста» за декабрь 1933 г. Интервьюер не задал своему собеседнику никаких вопросов. Вся поэма — сплошной конский монолог. Сразу же выясняется, что животное в восторге от своего названного. Запечатывает оно об этом в следующих выражениях:

...Знаю, что поистине прекрасны в своей блестящей коже я становлюсь, когда меня оседлывает Дуче, и меня, дарюя свет Своей * украшает.

Тогда уместны были сравнения, и даже — с статуями Колонны. — особенно, когда Он, Дуче, хмурится под шлемом своим новым. Тогда я принимаю позу и гордо — неподвижно замираю. Даже благородный скакун навеянет на многообразие своих обязанностей, отнюдь не сводящихся к одной лишь, так сказать, транспортной функции:

Когда же потом Он говорит к народу, подыгнавшись в стременах, Я, тело обличья, не чувствуя опущенной узды, выгибаю шею и, голову подняв, и ухо повернув одно назад, прислушиваясь к бурной речи Дуче, — другое же пока следит за том, что говорит в толпе. (Курсив наш. У. Н.)

Вслед за тем конь сообщает поэту о степени своего интеллектуального развития:

Его все речи знаю наизусть, и даже те, которых не слышал, я узнал в конюшне от берейтора, когда их тот читал с эмфазой моноху ленивому на коня. О, если бы владел я даром слова, Каким хорошим был бы я пропагандистом. (Курсив наш. У. Н.)

Заметим мимоходом, что в пятирочных строчках содержится: во-первых, донес на «ленского конюшника», позволяющего себе вальсировать на койке во время чтения речей дуче; во-вторых, констатация того факта, что от «хорошего пропагандиста» фашизма требуется лишь «звон слова» и никаких других специальных данных; в-третьих, если не считать нежных чувств лошади к всаднику... Однако, дальше.

* Все местоимения, относящиеся к личности дуче, пишутся в фашистской прессе с большой буквы — должно быть в подтверждение божественной природы его личности.

Поскольку конь знает наизусть все речи всадника, он твердо усвоил, что Муссолини и есть та единственная провинциальная личность, которая способна указать человечеству пути спасения...

...все стремятся в Рим, как в маяку, спросить совета мудрости у Дуче, у Дуче нашего, который учит яру. Кому же премия Нобеля? ЕМУ, конечно! (Курсив подлинника. У. Н.)

Несколько ниже лошади раздражались такими аккордами: Да, прекрасен Дуче на коне. Когда меня вперед стремится он. Но гораздо он прекрасней в ногах, среди детей пароза. Которых он готовит к военным делам, Чтоб были индоемцам всем уздой, предупреждаем. Но еще сильней, чем о войне, Дуче думает. О том, чтоб сделать землю плодородной. Он думает об общественных работах, Которые останутся в веках свидетельствами Его великого гения, который превзошел Цезаря.

У коня, оказывается, есть и свои тайные мечты. Он во что бы то ни стало хочет овладеть техникой фашистского приветствия, т. е. «римского привет» (правая рука выбрасывается ладонью наружу настолько вперед, насколько то вверх и т. д.): ...и я обучаюся привету по-римски, потихоньку тренирую ноги... А монок мой думает, Что я добьюсь осяса. (Курсив наш. У. Н.)

На самом же деле, лошадь вовсе не просит осяса (на что лошади овец?), а хочет достойно приветствовать своего всадника. И когда народные массы Италии поднимают руку «по-римски», при виде цезаря в черной рубашке, то это не означает, что народные массы требуют «осяса». Пусть заругают это себе на носу все сомневающиеся. Но с другой стороны, нельзя ни признавать, что итальянский народ отнюдь не страдает от избытка «осяса». Неограниченные количества «осяса» были обещаны ему в фашистских программах 1919—22 гг. Но фашистский «осяс» требует, очевидно, много времени для своего произрастания. Если же взять хотя бы один 1934 г., то в нем итальянский народ вместо «осяса» получил в числе прочих благ: новое 8—10-процентное снижение зарплат, несколько речей цезаря, немало ухудшивших международное положение Италии, и решение о постройке двух новых сверхкрейсеров по 35.000 тонн каждый. И поэтому пункт об осясе в поэме усреднено А. Каликиопуло звучит несколько двусмысленно. Но не будем портить карьеру поэта необоснованными сомнениями. Его искренность должна быть вне подозрений. Он сделал все, что мог. История коня императора Каллигулы была, в сущности, абсурдным скандалом: лошадь, назначенная сенатором, оставалась лопухом и ничем больше. Иное дело в поэме А. Каликиопуло. Здесь оказалось, что лошадь, ходившая под современными Цезарем, не уступает по своему умственному уровню любому фашистскому сенатору. Г. Каликиопуло бесспорно прав: состоит же сенаторами Г. Форджей-Даванлати и Г. Барзиния, избравшие, между прочим, своей специальностью травлю одной страны, винодельства лишь в том, что у себя дома она покочивалась раз навсегда со всеми цезарями и со всякими возможностями цезаризма вообще!.

УМБЕРТО НОВЕЧЕТТО

ВСТРЕЧА С РОДИНОЮ

Взаимоотношения Эренбурга с родной родиной голы отличались приподнятой неопределенностью. Это началось еще в далекие времена, когда после разгрома революции 1905 года он покинул Россию и впервые приезжает в Париж.

Мировая война. В жизни писателя успехи сменялись неудачами, слава уступала на руку, оставшая надолго ощущение страха и холодного волнения.

В 1917 г. Эренбург возвращается на родину. Ставшие привычными для него лозунги буржуазной демократии сменяются здесь у него на лозунги. Суровая и строгая правда пролетарской диктатуры так непохожа на все до сих пор виденное. Новая родина рождает смутные и тревожные. И они европейской цивилизации снова зовут к себе писателя.

Но с каждым годом крепнет в нем убеждение исторической определенности капиталистической системы. Его очерки о Западе отягощаются все полнокровнее. Салонные парадоксы уступают место конкретному остроумному и злому разоблачению разнообразных сторон европейской политики. Одного оружия отрицания становится уже недостаточно. Чем сокрушительнее и злее оказывалась критика Эренбурга, тем решительнее шло в таком социальном идеале, который можно было бы противопоставить как выход из мира капиталистических отношений.

Эренбург снова обращает свои взгляды на родину. Теперь он ясно видит, что там, и только там можно найти точные и радикальные ответы на все вопросы, без разрешения которых вся дальнейшая проповедь отрицания может стать бессмысленной и лживой.

Повесть «Москва слезам не верит» является последним беллетристическим произведением, построенным по принципу критического отрицания.

Этой простой и величавой истинной увидел Эренбург прекрасные черты. Человек, который столько лет высылал у писателя японское сомнение, предстал перед ним как олицетворение мира, пришедшего к своему капитализму.

И давно забытое писателем чувство гордости своей страной, своей родиной охватывает его, рождая слова, исполненные достоинства и подказывающие понимание исторической правды социалистической революции, ее силы и могущества.

Рабочие умеют читать и Шекспира, и Гете, и Пушкина. Они строят свой мир не на метафизическом небытии, но на земном, удобренной почве многих поколений. Советские женщины могут поспорить с женщинами Вергилия и Сенеки, Кротокиной и Герценой, Ницше и Толстого. В советских школах можно найти романы Марселя Пруста и в советском театре пьесы Пьера Клода. Советские исследователи посвящают ряд серьезных трудов поэтическому гению Тютчева. Их не останавливает то, что Тютчев был славянофилом, монархистом и царским лейбором. Они знают, что молодые поэты могут многому научиться у Тютчева.

Эренбург вернулся на родину, изведав всю горечь и тиету буржуазного мира. Он хорошо понял ограниченность и плен человеческой мысли в условиях капиталистического общества. Оттого он с такой страстью обращается к социалистической культуре, вада в ней завтрашний день мировой культуры. Он рассказывает об уральском учителе, который полемизирует с известным французским писателем Дрие ла Рошелю, изверившись в ценности человеческой жизни и человеческого сознания. Беряно переполняет Эренбург письмо своего уральского корреспондента и спешит сообщить о нем в Париж.

«Я показал это письмо Дрие ла Рошелю. Я не знал, выдал ли он долгие читателя, который с такой серьезностью, с таким волнением воспринимал бы его любое слово Дрие ла Рошелю — писатель по-настоящему для своего поколения. Какая важность и в то же время какая сила звучит в письме уральского учителя, который берет на слово анафему французского литератора и который всерьез противопоставляет ей молодое сознание своей страны!

В этом письме имеется то, чем мы вправе гордиться: наша глубокая заинтересованность в судьбах всеобщей культуры. Судьбы оказались не мы. Не мы уничтожаем кофейные плантации, и не мы ломаем машины. Не мы металлохлоритом плывем на то, что «было жизнью». Нам назначили беспризорными. Но вот большой свет, он начал подвизрительно хлестать, и вокруг — пустота. Оказываются, наследство придется принять нам. Кто же пойдет отстаивать все, что было лучшим в этом старом мире? Вальсала, и Собор Парижской Богоматери, и великий продукт лажского народа — французские литераторы или уральские учителя?»

Именно это определяет иное качество его литературных оценок. Заметки о творчестве Улануно, Морьяка, Поля Морана, о социалистах перерастают в острый политический памфлет. Строки о социалистах — такое великолепное доказательство морального марша фашизирующей интеллигенции Франции! А портрет Поля Морана — разве не заставляет его вспомнить волшебное творение Вазлиа Холлурда, охватившее все отвратительные пороки своего оригинала?

М. МАЙЗЕЛЬ.

Милый лев — сильный и быстрый. Но да он рычал, вытискивал лапы на землю. По вечерам они больше бегать на водопой.

